

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТАТУС КОРОЛЯ В ИСПАНИИ (XIX–XXI вв.)

Введение. Король (корона) — один из базовых конституционно-правовых институтов в Испании. В течение рассматриваемого периода он воспринимался испанцами как традиционный и исторически присущий стране и народу, а значение королевской власти во взаимосвязях с другими органами власти отражало соотношение социально-политических сил в обществе. Авторы всех монархических конституционных проектов фиксировали не только ранее сложившееся, но и желаемое в соответствии с их идейно-политическими взглядами на правовое положение монарха.

В данной статье анализируются исторически сложившиеся особенности конституционного оформления статуса короля, юридические основы его деятельности и их реализация в конституционной практике Испании.

Официальное название института. Все испанские конституции зафиксировали официальные названия рассматриваемого института.⁸⁵ В 1808 г. таковым являлся титул «король Испании и Индий» (ст. 4), который был введен во время правления Карлоса I (1516–1556),⁸⁶ в 1530 г. коронованного папой Климентом VII императором Священной Римской империи Карлом V (1530–1556). В Конституции 1812 г. «король Испаний» был признан имеющим титул «Его Католическое Величество» (ст. 169).⁸⁷

Изначально в текстах испанских конституций для обозначения монарха стал использоваться термин «король». О «королеве» упоминалось лишь в связи с запретом ее мужу, не являющемуся королем, участвовать в управлении государством, а также в связи с исполнением опекунских и регентских обязанностей матерью несовершеннолетнего короля. Позднее понятие

⁸⁵ Тексты конституций 1808 и 1812 гг., декрета от 24 сентября 1810 г., Королевского статута 1834 г., конституций 1837, 1845, 1856 и 1869 гг., конституционного проекта 1873 г., конституций 1876 и 1931 гг., Органического закона государства 1967 г. в переводе Т.А. Алексеевой приводятся по изданию: Алексеева Т.А. История испанской конституции. М., 2011. — Текст Конституции 1978 г. приводится по изданию: Constitución Española y Reglamento del Congreso de los Diputados / prep. por M. Gonzalo. Madrid, 1993 (с учетом авторитетных переводов, опубликованных в сборниках: Конституция Испании / пер. Т.И. Ильинской // Испания: Конституция и законодательные акты / под ред. Н.Н. Разумовича. М., 1982. С. 29–99; Конституция Испании // Конституции буржуазных стран / сост. В.В. Маклаков. М., 1982. С. 276–329; Конституция Испании / пер. А.С. Автономовой // Конституции государств Европы / под ред. Л.А. Окунькова. В 3 т. Т. 2. М., 2001. С. 50–94). Все переводы с испанского в тексте настоящей статьи сделаны автором (Т.А.).

⁸⁶ На латинском языке — *Hispaniarum et Indiarum Rex*.

⁸⁷ Впервые «католическими королями» за заслуги перед церковью и завершение Реконкисты стали именовать Изабеллу Кастильскую и Фернандо Арагонского. Данный титул был им предоставлен в соответствии с буллой папы Александра VI, изданной 1496 г. Позднее, в 1517 г., он был дарован и Карлосу I в соответствии с буллой папы Льва X. В 1496 г. Изабелла и Фернандо также стали именоваться «король и королева Испаний».

«королева» использовалось во время правления Изабеллы II при упоминании ее имени или имени ее матери Марии Кристины, королевы-правительницы.

В соответствии с Законом от 26 июля 1947 г. «О преемстве при замещении поста главы государства» (далее также: Закон 1947 г.) термин «глава государства» при монархии без монарха⁸⁸ охватывал как каудильо Франко, так и будущего короля, а также возможное регентство. В ныне действующей Конституции использован титул «король Испании», но при этом допускается использование и других титулов, которые соответствуют королевской власти (ст. 56.2).⁸⁹ К таковым могут быть отнесены титулы отдельных королевств, из которых исторически образовалась Испания.⁹⁰

Идейная основа конституционного оформления статуса короля — это принципы национального (народного) суверенитета и разделения властей. Испанский исследователь Х. Варела Суансес высоко оценил значение провозглашения указанных принципов генеральными и чрезвычайными кортесами в их первом декрете от 24 октября 1810 г.: «Они достойно послужили радикальному либерализму для того, чтобы разрушить старую абсолютную монархию и создать государство, способное гарантировать личную свободу и передать юридически и политически власть от монарха кортесам».⁹¹ Использование данных принципов предопределило возможность и особенности юридического закрепления правового положения монарха, а их интерпретация влияла на отношения монарха, кортесов и нации.

Суверенитет как основополагающий принцип в испанском конституционализме нашел признание в двух разновидностях: народного (в испанской терминологии — национального) и «совместного», или «разделенного». Приверженцами первого были либералы, «прогрессисты», демократы, республиканцы. Принцип народного (национального) суверенитета закреплен в конституциях 1812, 1837, 1869, 1931 и 1978 гг., а также в основном законе 1856 г., не вступившем в действие, и стал фундаментом ограничения кортесами власти монарха. Испанский народ фактически продемонстрировал свой суверенитет, поднявшись на борьбу против наполеоновских войск в 1808 г. и создав новые органы власти. Национальный суверенитет стал базой глубоких преобразований, осуществленных в ходе национально-освободительной войны в Испании. В первый день работы учредительного органа декретом 24 сентября 1810 г. было заявлено: «генеральные и чрезвычайные кортесы испанской нации» в соответствии с «общей волей» присягают «единственному и законному» королю Фернандо VII Бурбону и объявляют ничтожным его отречение от престола в пользу Наполеона «не

⁸⁸ Конституции буржуазных государств Европы / под ред. Г.С. Гурвича. М., 1957. С. 521–525.

⁸⁹ Здесь и далее при ссылке на положение или норму, содержащуюся в номерном или литерном пункте статьи конституционного акта, номер/литера пункта статьи будет отделена от номера статьи точкой (например, «ст. 56.2» вместо «п. 2 ст. 56» или «ст. 62.h» вместо «п. “h” ст. 62»).

⁹⁰ Esteban J. de, González-Trevijano P.J. Tratado de Derecho constitucional. En 3 t. T. 3. Madrid, 2000. P. 74.

⁹¹ Verela Suanzes R., Carpegna J.R. Corona y Monarquía // Revista de Estudios políticos. 1987. № 55. P. 145.

только потому, что этот несправедливый и незаконный акт был вызван применением насилия», но главным образом в связи с тем, что «нация не давала на него своего согласия».⁹² Также было объявлено, что генеральные и чрезвычайные кортесы оставляют за собой осуществление всей полноты законодательной власти.

Конституция 1812 г. декларировала: «суверенитет по существу принадлежит нации» (ст. 3). Последняя представлялась как союз испанцев, для состояния в котором не нужно быть подданным короля, но необходимо удовлетворять указанным требованиям (ст. 5). Исключительное право нации — «устанавливать свои основные законы» (ст. 3) — могло быть реализовано лишь учредительным собранием — генеральными кортесами.

В Конституции 1837 г. национальный суверенитет явно в угоду «умеренным» упоминался лишь в преамбуле для обоснования деятельности учредительной ассамблеи, которая «по воле нации» пересмотрела основной закон. Однако положение о суверенитете не нашло своего развития в последующем тексте, как это было в Конституции 1812 г. Один из авторов проекта Конституции 1837 г. С. Олосага позднее пояснил, что народный суверенитет, по мнению авторов проекта, не должен «превратиться в принцип постоянного действия», чтобы «не показаться приглашением к изменению или принятию конституции», а его значение может «актуализироваться лишь в моменты острой необходимости».⁹³

Народный суверенитет закреплен также в преамбуле Конституции 1869 г., промульгированной конституантой при отсутствии короля, посредством следующей фразы: «Испанская нация и от ее имени Учредительные кортесы, избранные на основе всеобщего избирательного права...». Кроме того, при формулировании ст. 32 заимствован законодательный опыт 1812 г.: нация объявлялась носителем суверенитета и источником всех властей.

В Конституции 1978 г. закреплено, что «национальный суверенитет принадлежит испанскому народу и им создаются власти государства» (ст. 1.2). В настоящее время он воспринимается в Испании как атрибут демократического режима.⁹⁴

Идею совместного суверенитета в XIX в. проповедовали «умеренные» и альфонсинисты. Статут 1834 г. базировался на королевском суверенитете. В конституциях 1845 и 1876 гг., а также в конституционном проекте Х. Браво Мурильо 1852 г. нашел отражение «совместный» суверенитет кортесов и монарха, субъектами которого являлись кортесы и король. Принцип представлялся как сущность «внутренней» (т. е. исторической) конституции Испании, двумя элементами которой являлись монарх и кортесы ее важнейших

⁹² На русском языке о декрете подробнее см.: *Алексеева Т.А.* Испанский декрет 24 сентября 1810 г. // Вестник Ленинградского ун-та. 1990. Сер. 6, вып. 2. № 13. С. 74–77.

⁹³ *Fernández Segado F.* Las constituciones históricas españolas. Madrid, 1992. P. 200.

⁹⁴ *Esteban J. de, González-Trevijano P.J.* Tratado de Derecho constitucional. T. 1. Madrid, 2001. P. 167.

элемента.⁹⁵ Они и могут «совместно», как указывалось во всех трех указанных конституциях, принимать законы, в том числе основные, а также иные судьбоносные для нации решения. В испанской историко-правовой литературе отражено мнение о том, что принцип «совместного», или «разделенного» суверенитета короля и кортесов впервые был закреплен в тексте Королевского статута 1834 г. Историк конституционного права Х.Томас Вильяройя обосновал данную точку зрения не только ссылкой на ст. 30 данного акта, обязывающую короля созывать кортесы всякий раз, когда этого требует серьезность возникшей проблемы, но и обращением к исторической традиции, которая подтверждает, что трон и кортесы в решающие для нации моменты становились двумя высшими и одинаково необходимыми органами.⁹⁶ Действительно, автор проекта Статута 1834 г. Мартинес де ла Роса, выступая в нижней палате кортесов, подчеркнул, что целью организации хорошего управления является установление связей между различными властями, которые взаимодействуют, не мешая друг другу.⁹⁷

Однако представляется очевидным, что создатели Статута, использовавшие в качестве образца для подражания Французскую хартию 1814 г., исходили из «монархического принципа». Он впервые получил оформление в Хартии 1814 г., являвшейся по оценке профессора А.С. Алексеева «не основным законом, обнимающим все стороны государственного порядка и устанавливающим новые начала политической жизни, а королевским указом, стоящим на почве старого порядка и вносящим в него лишь частичные изменения».⁹⁸ Таким же был Королевский статут 1834 г. Хотя он не упомянул о королевском суверенитете, как это было сделано в преамбуле французского акта («вся власть сосредоточивалась во Франции в особе короля»),⁹⁹ регентша Мария Кристина, следуя примеру Людовика XVIII, явно продемонстрировала признание суверенитета за монархом, передав посредством Статута некоторые королевские полномочия другим органам.

Разделение властей как принцип организации высших органов государства был провозглашен наряду с национальным суверенитетом в Кадисской конституции, в основных законах 1837, 1869, 1978 гг. Под воздействием идей, появившихся в 30-е годы XIX в., законодатель заменял его принципом сотрудничества властей в конституциях 1845 и 1876 г., где он сопровождал признание «совместного» («разделенного») суверенитета.

Историческая конституция как источник правового статуса главы государства. В XIX в. учредители нередко апеллировали к исторической

⁹⁵ *Sánchez Agesta L.* Historia del constitucionalismo español. Madrid, 1964. P. 191.

⁹⁶ *Tomás Villarroya J.* Breve historia del constitucionalismo español. Madrid, 1997. P. 34–35.

⁹⁷ *Tomás Villarroya J.* La redacción y publicación del Estatuto Real // Revista de Estudios políticos. 1966. № 145. P. 58.

⁹⁸ *Алексеев А.С.* К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. Ярославль, 1910. С. 1–2.

⁹⁹ *Конституционная Хартия 4 июня 1814 г.* // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / под ред. П.Н. Галанзы. М., 1957. С. 438.

Конституции страны,¹⁰⁰ которая, по их утверждению, сформировалась в Пиренейских королевствах периода сословно-представительных монархий. О необходимости руководствоваться ею задумались еще в Центральной хунте, подготовившей созыв генеральных и чрезвычайных кортесов, и ее комиссиях. Ее приверженцем был выдающийся испанский мыслитель и государственный деятель Г.М. Ховельянос.¹⁰¹ Разрабатывая вопрос о созыве учредительных кортесов, он исходил из того, что нация не должна отменять имевшуюся у нее древнюю, или историческую конституцию, под которой понимались основные нормы, устанавливающие права суверена, его подданных и их гарантий. Испанский исследователь Д. Севилья Андрес обратил особое внимание на то, что, по мнению просветителя, нация может лишь предложить реформу данной конституции, при этом все изменения должны быть продуктом разума и просвещенности (так, королю надлежит предоставить право вето, министры должны быть ответственны перед нацией за их исполнение).¹⁰²

Либералы, подготовившие проект первой испанской конституции, были вынуждены считаться с мнением так называемых раболепных (*serviles*), отражавших взгляды большинства испанского населения. Поэтому радикальные преобразования они маскировали ссылками на «историческую конституцию», представив подробные объяснения в своей записке, предварившей ознакомление депутатов с текстом конституционного проекта.¹⁰³ Однако когда во время дискуссии в кортесах авторов проекта попросили точно назвать древние законы, на которые они ссылались, сделать это они решительно отказались.

Конечно, испанский конституционализм имел свою предысторию, которая связана прежде всего с деятельностью кортесов. Однако опыт Средневековья в Конституции 1812 г. представлен лишь на уровне использования традиционных названий государственных институтов и учреждений (король, кортесы, государственный совет, постоянная депутация кортесов и т. п.), но принципы их деятельности, функции и порядок формирования и деятельности были совершенно новыми.

Миф об исторической конституции как непосредственном источнике конституционализма восходит к мнению Г.М. Ховельяноса, считавшего началом «конституции» страны деятельность «различных совещательных и правительственных учреждений», решения которых учитывались королями во время Средневековья.¹⁰⁴ Это мнение было типичным для испанского

¹⁰⁰ Bergareche Gros A. El concepto de constitución interna en el constitucionalismo de la Restauración española. Madrid, 2002. P. 99.

¹⁰¹ Суховерхов В.В. Г.М. Ховельянос: философско-теологические и социально-политические воззрения. М., 2012. С. 243–278.

¹⁰² Sevilla Andrés D. Historia constitucional de España, 1800–1966. En 2 t. T. 1. Valencia, 1966. P. 29.

¹⁰³ Discurso preliminar leído en las Cortes al presentar la Comisión de Constitución el proyecto de ella // Sevilla Andrés D. Constituciones y otras leyes y proyectos políticos en España. En 2 t. T. 1. Madrid, 1969. P. 115–160.

¹⁰⁴ Суховерхов В.В. Г.М. Ховельянос: философско-теологические и социально-политические воззрения. С. 246.

конституционализма XIX в., вплоть до разработки Конституции 1876 г. Аналогия с Великобританией и ее конституционными традициями вызвала искреннее желание найти в своем прошлом истоки для проведения реформ, которые в соседней Франции стали результатом бурных революционных событий.

Желание использовать прошлое для обоснования настоящего вновь возникло во времена диктатуры Франко, чтобы поддержать легенду о том, что каудильо подобен полководцам средневековых Пиренейских государств. Подобно им, он является воином Господним, крестоносцем, сражающимся против неверных. Эти образы стали частью идеологии, элементами политики, которая и обеспечила официальное признание Ватиканом Франко как защитника католической религии.

Король в системе высших органов государства. В конституционно оформленном испанском государстве король являлся органом публичной власти, деятельность которого должна была строго соответствовать конституции и иным законам. Все основные законы Испании, за исключением Байонской конституции 1808 г., Королевского статута 1834 г. и основных законов периода франкистской диктатуры (после принятия решения о восстановлении монархии), закрепляли правовое положение и скрупулезно фиксировали компетенцию монарха, отразив стремление законодателя представить исчерпывающий перечень его полномочий, а также список ограничений его власти кортесами.

Раздел IV «О короле» Конституции 1812 г. стал образцом по структуре и по содержанию для подобных частей всех последующих основных законов Испании. В более поздних конституциях законодатели стремились избавиться от излишней детализации, поэтому соответствующие разделы были не столь объемными и подробными.

В действующей Конституции раздел II «О короне» насчитывает лишь 10 статей. При этом использован термин «корона» вместо традиционного «король», что объясняется желанием учредителя зафиксировать более точное понятие: в разделе представлен институт, а не только статус обладателя короны, поскольку помимо последнего, в нем содержатся положения о статусе королевской семьи, принца Астурийского и т. д.¹⁰⁵

Король в законотворческом процессе. В конституциях XIX в. кортесы «совместно с королем», признавались субъектом законодательной власти (1812 г. — ст. 15, 1837 г. — ст. 12, 1845 г. — ст. 12, 1856 и 1876 гг. — ст. 18). Однако участие в законотворческом процессе было различным. Правом законодательной инициативы Конституция 1812 г. наделяла только кортесы (ст. 131.1), Королевский статут 1834 г. — исключительно монарха (ст. 33), конституционные акты 1837 г. (ст. 36), 1845 г. (ст. 35), 1869 г. (ст. 54), 1876 г. (ст. 41) — монарха и обе палаты кортесов, которые потому и назывались «законодательными». Право принимать законы путем голосования традиционно относилось к компетенции кортесов. Однако в проекте Х. Браво

¹⁰⁵ Esteban J. de, González-Trevijano P. J. Tratado de Derecho constitucional. T. 3. P. 48–49.

Мурильо 1852 г. предусматривалось расширение прав короны: «Королю в кортесах принадлежит право создавать законы» (ст. 3); законодательная инициатива могла быть реализована монархом и каждой из законодательных палат (ст. 4).

Участие короля в законотворческом процессе также всегда связывалось в Испании с его правом санкционировать и промульгировать законы. Конституция 1812 г., вводя право монарха наложить вето на законопроект, принятый кортесами, устанавливала тридцатидневный срок, в течение которого он мог воспользоваться этим правом, просрочка означала, что санкция короля получена (ст. 145). В ней были указаны точные формулировки королевских ответов: санкционируя закон, он должен своей рукой написать: «Опубликовать как закон» (ст. 143), — а отказывая в санкции: «Вернуть в кортесы» (ст. 144) и изложить причины своего решения. Отклоненный королем законопроект мог вновь стать предметом обсуждения лишь в следующем году (ст. 147).

Таким образом, монарх наделялся правом отлагательного вето. Примечательно, что при обсуждении вопроса о санкционировании законов королем депутаты генеральных и чрезвычайных кортесов не скрывали, что учитывали положения Конституции США и желали избежать импульсивности, которая неизбежна для такого многочисленного органа, как кортесы.¹⁰⁶ Однако следует отметить также очевидное заимствование французского опыта 1791 г. Вместе с тем генеральные и чрезвычайные кортесы оказались более радикальными. Король мог пользоваться своим правом в течение двух сессий кортесов. Если же дважды отклоненный ими законопроект был бы принят кортесами на третий год, то королевское вето считалось бы преодоленным, а законопроект санкционированным (ст. 148, 149). Так испанский король мог помешать введение закона на два года — срок немалый, однако в три раза меньший, чем тот, что был предусмотрен Конституцией Франции 1791 г.¹⁰⁷

Королевский статут 1834 г. закрепил абсолютное вето короля, сохранявшееся в текстах конституций 1837, 1845, 1856 и 1876 гг. и отсутствовавшее лишь в основном законе 1869 г. По Конституции 1978 г. королю принадлежат правомочия по санкционированию, промульгации и опубликованию законов. Однако они сводятся лишь к тому, что он подписывает законы в пятнадцатидневный срок и дает распоряжение об их немедленном обнародовании (ст. 62.а и 91). Один из российских переводов Конституции комментатор сопроводил предположением о том, что «отсутствие королевского вето теоретически не исключает возможности отказа в подписании»; поскольку закон не может вступить в силу без королевской подписи, а возвращение его в парламент не предусмотрено, монарх может воспользоваться своим правом назначения референдума (ст. 62.3 и 92).¹⁰⁸ Однако исследователи обращали внимание на то, что король не становится

¹⁰⁶ *Discurso preliminar...* P. 131.

¹⁰⁷ См. п. 2 отдела III главы третьей французской Конституции 3 сентября 1791 г. (Документы истории Великой Французской революции / отв. ред. А.В. Адо. В 2 т. Т. 1. С. 129).

¹⁰⁸ Конституции государств Европы / под ред. Л. А. Окунькова. В 3 т. Т. 2. М., 2001. С. 41.

участником законотворческого процесса, и его подпись означает лишь формальный декларативный акт, — такова конституционная практика.¹⁰⁹

Король и кортесы. Рассматривая отношения короны и кортесов, следует отметить полномочия монарха созывать, приостанавливать и распускать кортесы, а также открывать и закрывать их сессии, созывать чрезвычайные кортесы. Однако пользование этими правами было поставлено в законные рамки. Конституция 1812 г. установила дату начала сессии представительного органа (1 марта) и ее трехмесячную продолжительность. Королю запрещалось препятствовать созыву кортесов, откладывать, приостанавливать их заседания, распускать их, мешать их деятельности или выполнению решений (ст. 172.1). Конституции 1837 г. (ст. 26), 1845 г. (ст. 26), 1876 г. (ст. 32) лишь ограничили данные полномочия, во-первых, указанием на ежегодные сессии кортесов и, во-вторых, установлением обязанности монарха созвать кортесы в случае их роспуска в течение ближайших трех месяцев. Конституцией 1869 г. королю были предоставлены указанные выше права, хотя они и были существенно ограничены. Например, монарха обязали созывать кортесы так, чтобы они успели собраться 1 февраля (ст. 43). Приостановление деятельности кортесов без их согласия было возможно лишь один раз за время каждой легислатуры (ст. 71). А в случае роспуска одной или обеих палат, созыв кортесов надлежало осуществить в течение трех месяцев (ст. 72).

В действующей Конституции, очевидно, нашел отражение весь накопленный в Испании опыт. Король созывает и распускает кортесы, назначает выборы на условиях, предусмотренных Конституцией (ст. 62.b). Однако по сути созыв осуществляется символически, так как Основной закон четко устанавливает время открытия заседаний палат. После проведения выборов конгресс депутатов должен быть созван в течение 25 дней (ст. 68.6), а на очередные сессии палаты собираются дважды в год: на первую — с сентября по декабрь, на вторую — с февраля по июнь (ст. 73). Монарх торжественно открывает легислатуру, обращаясь к кортесам, созданным на совместное заседание, с посланием.

Действующая Конституция закрепляет три случая роспуска представительного органа. Так, король автоматически распускает кортесы, если по истечении двухмесячного срока с момента голосования о назначении председателя правительства ни один из кандидатов не получит одобрения конгресса (ст. 99.3). Роспуск кортесов после предварительного обсуждения в совете министров может быть инициирован его председателем (ст. 115.2). Король также распускает кортесы, если предложение о пересмотре Конституции получило одобрение необходимого большинства (ст. 168.1).

Испанский конституционализм XIX в. отражал участие короля в формировании верхней палаты кортесов. Впервые это право было закреплено в 1808 г. (ст. 32.2). Оно также содержалось в Королевском статуте (ст. 3–12), в Конституциях 1845 (ст. 14–15), 1876 (ст. 22) гг., где полномочие короля ограничивалось лишь указанием на требования, которым должны были

¹⁰⁹ Esteban J. de, Gonzalez-Trevijano P.J. Tratado de Derecho constitucional. T. 3. P. 122–123.

отвечать кандидаты, обеспечивающие аристократический характер данной палаты. Основной закон 1837 г. предоставил королю право назначать сенаторов из тройного списка кандидатов, сформированного избирателями депутатов в каждой провинции (ст. 15). Кроме того, монарх мог вмешиваться в деятельность кортесов путем назначения председателей и вице-председателей одной или нескольких палат и путем утверждения их регламентов.

По действующей Конституции монарх также объявляет выборы в кортесы, которые бывают нескольких видов: обычные (один раз в четыре года) (62.b), вынужденные (в случае невозможности назначить председателя правительства (ст. 99.5) или в случае принятия решения о реформе Конституции — ст. 168) и преждевременные (после добровольной отставки главы правительства — ст. 101). Кроме того, по предложению последнего король, если он уполномочен на то конгрессом депутатов, может объявить о проведении всенародного консультативного референдума для принятия политических решений, имеющих особую важность (ст. 92).

Король и исполнительная власть. Конституции 1812 г. (ст. 16), 1837 г. (ст. 45), 1845 г. (ст. 43), 1869 г. (ст. 35, 69) и 1876 г. (ст. 50) закрепляли положение о вручении королю исполнительной власти. Конституция 1812 г. распространила власть короля «на всё, что касается сохранения публичного порядка внутри государства и безопасности государства извне в соответствии с конституцией и законами» (ст. 170); аналогичные права были с незначительными вариациями указаны во всех монархических конституциях.

Деятельность короля в данной сфере имела три основных направления: поддержание общественного порядка, приведение в исполнение законов и гармонизацию закона и общего интереса.¹¹⁰

Впервые попытка обособления от главы государства исполнительной власти, осуществляемой министрами, была сделана в республиканском Конституционном проекте 1873 г., согласно которому президенту республики вручалась «связующая власть» (ст. 49). В конституционном проекте 1929 г., подготовленном во время так называемой «диктатуры» Primo de Rivera, за королем предполагалось закрепить «посредническую функцию», в соответствии с которой он должен был «осуществлять прерогативы, которые требуют поддержания независимости и гармонии всех властей в соответствии с конституционным текстом» (ст. 43). По Закону 1947 г., который декларировал восстановление монархической формы правления, главе государства, в том числе будущему королю, вручалась «верховная политическая и административная власть» (ст. 6).

Все испанские конституции, принятые в XIX в., закрепили право короля назначать и освобождать министров от должности, а также правило об их ответственности, компенсирующей безответственность монарха. Все они отнесли индивидуальную ответственность министров к компетенции кортесов. Однако первые проявления наличия *de facto* политической ответственности правительства имели место уже во время действия Королевского статута 1834 г.

¹¹⁰ *Sánchez-Arcilla Bernal J. Manual de Historia del Derecho. Madrid, 2004. P. 558.*

Впервые вопрос о доверии правительству обсуждался 31 декабря 1835 г. в связи с дебатами об избирательном законе, а вотум недоверия был впервые выражен 21 мая 1836 г. правительству Истуриса. Однако Мария Кристина разрешила возникший конфликт не путем отставки совета министров, а путем издания 22 мая 1836 г., на следующий день после выражения вотума недоверия, декрета о роспуске кортесов. Так королевой-правительницей была непосредственно заимствована конституционная практика Великобритании.

Весь ход конституционного развития Испании привел к признанию короля «главой государства, символом единства и постоянства, арбитром и примирителем» (ст. 56.1). Таким образом, акцент делался на посредническом характере его власти. В соответствии с Конституцией 1978 г. исполнительная функция вручается правительству (ст. 97). Это свидетельствует о последовательном развитии положения о форме правления: Испания является парламентарной монархией (ст. 1.3). Изменения в отношении монарха отражали новеллы конституционного развития, имевшие место в Испании, как и во многих странах. Основные законы, появившиеся в мире после Второй мировой войны, «содержали, как правило, весьма умеренные формулировки относительно роли монарха в управлении государством».¹¹¹ Кроме того, для них характерен отказ от явления, которое французский исследователь Ж.-П. Жакке назвал «дуализмом исполнительной власти», свойственным конституционализму XIX в. и формально закрепляемым некоторыми современными конституциями, как монархическими, так и республиканскими.¹¹²

Король и ответственность. В XIX в. короля объявляли персоной «священной» и «неприкосновенной» практически все конституции испанской монархии; лишь в 1869 г. его личность была декларирована как только «неприкосновенная и неответственная» (ст. 67). Священный характер власти подчеркивали все конституционные тексты первой половины XIX в. (1808, 1812, 1837, 1845 гг.) и указывали на два источника власти монарха: законодатели настойчиво подчеркивали, что король занимал престол «по милости Бога и Конституции». В преамбуле Конституции 1876 г. было закреплено: «Дон Альфонсо XII по милости Бога конституционный Король Испании».

Неприкосновенность личности монарха, впервые конституционно оформленная во Франции в 1791 г., означала недопустимость привлечения его к юридической и политической ответственности. Причина этого — в признании особой миссии короля по обеспечению публичного порядка, а также необходимость гарантировать существование самого института монархии, на что ссылались члены конституционной комиссии еще в 1812 г.¹¹³

Однако в конституционной монархии король, как любое должностное лицо или государственный орган, был обязан действовать в соответствии с

¹¹¹ Сравнительное конституционное право / отв. ред. В.Е. Чиркин. М., 2002. С. 350.

¹¹² Жакке Ж.-П. Конституционное право и политические институты / пер. В.В. Маклакова. М., 2002. С. 172, 270.

¹¹³ Discurso preliminar... P. 132.

законом. Поэтому перед учредителями стояла задача заменить короля в случае наличия оснований для привлечения его к ответственности, компенсировать его безответственность; базу для этого создавало положение о том, что монарх реализует свою власть через министров.¹¹⁴ Гарантией такой замены стало правило контрасигнатуры, зафиксированное конституциями 1812 г. (ст. 225), 1834 г. (ст. 37, 40), 1837 г. (ст. 61), 1845 г. (ст. 64), 1869 г. (ст. 87), 1876 г. (ст. 49). Так, в большинстве конституций XIX в. в качестве функционального «заместителя» определяли соответствующего министра (1812, 1837, 1845, 1869, 1876 гг.), а в Королевском статуте 1834 г. таковым был назван председатель совета министров.

В процедуре привлечения указанных лиц к ответственности участвовали кортесы. В Конституции 1812 г. было четко определено: «министры ответственны перед кортесами за приказы, которые противоречат конституции и законам, при этом они не могут ссылаться на волю короля» (ст. 226). В данном основном законе было предусмотрен порядок привлечения министров к ответственности (ст. 228, 229): кортесы оформляли свое решение о возбуждении преследования в форме декрета и передавали его в Верховный суд для рассмотрения дела по существу. Однако в 1830-е годы вводится двухпалатная структура кортесов и иная процедура: дело министра, возбужденное нижней палатой кортесов, рассматривается верхней палатой (ст. 40.4 Конституции 1837 г.; ст. 19.1 Конституции 1845 г., ст. 41.4 Конституции 1856 г., ст. 89 Конституции 1869 г., ст. 45.3 Конституции 1876 г.). Органический закон государства 1967 г. предусматривал возможность привлечения к ответственности членов правительства Верховным судом (ст. 20).

Действующая конституция также закрепила возможность привлечения к уголовной ответственности членов правительства за совершение измены и преступлений против безопасности государства при исполнении своих обязанностей, рассмотрение дела относится к компетенции палаты по уголовным делам Верховного суда (ст. 102). Вместе с тем предусмотрена и солидарная политическая ответственность правительства, которая выражается в резолюции порицания, принимаемой нижней палатой генеральных кортесов и влекущей отставку правительства (ст. 113, 114).

В действующей Конституции Испании уже не упоминается о «священном» характере монаршей власти, но по-прежнему закреплены традиционные положения: «личность короля неприкосновенна, и он не подлежит ответственности». Его акты всегда должны быть скреплены подписью председателя правительства и соответствующего министра, а в указанных случаях председателем конгресса депутатов (ст. 56.3, 64, 99), которые и будут в случае необходимости нести ответственность, политическую или юридическую.

Монарх как представитель нации. Все испанские конституции отдавали должное роли монарха как представителя нации во внутренних и

¹¹⁴ Torres Moral A. Constitucionalismo histórico español. Madrid, 1999. P. 47.

международных делах. Во внешних делах он наделялся определенным набором полномочий: объявлять войну и заключать мир, осуществлять высшее представительство государства за рубежом и заключать международные договоры, принимать послов и иных представителей иностранных государств, а также направлять испанских дипломатов в другие страны. Король объявлял войну и заключал мир, предоставляя об этом отчет кортесам (конституции 1837, 1845, 1856, и 1876 гг.). По Конституции 1978 г. король может делать это лишь с предварительного согласия генеральных кортесов (ст. 63.3).

Конституции XIX в. ограничивали короля в его праве подписывать отдельные виды договоров: он не мог без согласия кортесов заключать договоры о наступательных союзах, специальные торговые договоры с какой бы то ни было иностранной державой. Положения Конституции 1978 г. базируются на национальном конституционном опыте. Король «объявляет о принятии Испанией на себя международных обязательств посредством договоров в соответствии с конституцией и законами» (ст. 63.3). Однако для заключения договоров пяти видов необходимо предварительное согласие кортесов:

- 1) политических,
- 2) военных,
- 3) затрагивающих территориальную целостность или основные права и свободы личности,
- 4) налагающих финансовые обязательства на государство, а также
- 5) предполагающих изменение или отмену какого-либо закона или влекущих принятие законодательных мер для их осуществления (ст. 94).

С учетом интенсивности международного общения в современном мире, король Испании призван осуществлять «высшее представительство испанского государства в международных отношениях» (ст. 56.1).

В конституциях XIX в. содержались и специальные указания на то, что король осуществляет руководство дипломатическими и коммерческими отношениями, а также назначает послов, посланников и консулов. В соответствии с этой традицией в ныне действующей Конституции предусмотрено право короля назначать послов и других дипломатических представителей, при нем аккредитованы иностранные представители в Испании (ст. 63.1).

Иные полномочия короля. В испанском конституционализме первой половины XIX в. сложился перечень полномочий, ставших традиционными для монарха. Среди них значительную роль играли полномочия в области военного дела, к таковым относились: право верховного главнокомандования и назначения командующих (1812 г. — ст. 171.9, 1837 г. — ст. 47.5, 1845 г. — ст. 45.5, 1869 г. — ст. 70, 1876 г. — ст. 52, Закон 1947 г. — ст. 6). Конституция 1812 г. также относил к компетенции короля право производить дислокацию вооруженных сил (ст. 171.9). Примечательно, что Альфонсо XII завоевал симпатии соотечественников и прозвище «Миротворец» благодаря участию в

военных походах.¹¹⁵ Участие короля в военных делах по Конституции 1978 г. сводится к признанию его верховным главнокомандующим вооруженных сил (ст. 62.h).

Особо следует отметить отсутствие в XIX и XX вв. признания за монархом права вводить чрезвычайное положение, которое известно некоторым европейским конституциям. Вместе с тем известно, что Альфонсо XIII установил его *de facto* путем издания декрета 15 сентября 1923 г. об отмене конституционных гарантий и учреждении военного правительства — диктатории.

Как глава исполнительной власти король по конституциям XIX в. должен был заботиться о том, чтобы надлежащим образом чеканилась монета, декретировать инвестиции в каждую отрасль управления, назначать на должности, гражданские и военные, жаловать звания и отличия. По Конституции 1812 г. он был вправе делать представления о занятии церковных должностей (ст. 171.6). В Конституции 1978 г. названы некоторые подобные права короля: издавать согласованные с советом министров декреты, назначать на гражданские и воинские должности, награждать орденами и присваивать почетные звания в соответствии с законами, осуществлять верховное главнокомандование вооруженными силами, оказывать высшее покровительство королевским академиям (ст. 62. f, h, j).

Король и правительство. В монархических конституциях закреплялось признание осуществления королем своих полномочий через министров. Для конституций XIX в. была характерна фиксация отношения к ним, а также к государственным секретарям, как к должностным лицам, которые оказывают королю помощь в его деятельности. Поэтому они назначались и освобождались монархом по его усмотрению (1812 г. — ст. 171.16). Эти лица были обязаны осуществлять исполнительную власть от его имени, по его поручению и в пределах отрасли, подведомственной каждому из них. Однако в конституциях 1808 и 1812 гг. их количество было точно определено: 9 в первой (ст. 27) и 7 во второй (ст. 222).

Королевский статут 1834 г. зафиксировал существование совета министров как коллегиального органа и упоминал о его председателе (ст. 26, 37, 40). Впервые в конституционном проекте 1873 г., а затем и в республиканской Конституции 1931 г., признавалось объединение министров в коллегиальный орган, которому вручалась исполнительная власть, отличная от власти главы государства. Этот же подход отражен и в ныне действующей Конституции.

Все основные законы Испании XIX в. закрепляли лишь два принципиальных положения по рассматриваемому вопросу: во-первых, судебную ответственность министров и, во-вторых, начиная с Конституции 1837 г. (ст. 62), уже известное английскому праву с первых лет XVIII в. правило о допустимости совмещения должности министра и депутата, что стало фундаментом классического парламентаризма.

¹¹⁵ Испанские короли / под ред. В.Л. Бернекера и др. Ростов/Д., 1998. С. 394.

Действующая Конституция провозглашает Испанию парламентской монархией (ст. 1.3). Король вправе лишь после «предварительных консультаций с представителями политических групп в кортесах», в четырех случаях предлагать кандидатуру председателя правительства для одобрения конгрессом: после выборов обеих палат или конгресса депутатов, в связи с вотумом недоверия, в связи с добровольной отставкой председателя, в связи со смертью (ст. 101). Только при наличии вотума доверия кандидату король может назначить его на должность. Это не случайно: природа парламентской монархии предполагает большее значение доверия председателю правительства со стороны конгресса депутатов, чем монарха.¹¹⁶ Помимо представления на должность председателя правительства, король вправе назначать на должность и смещать остальных членов правительства по предложению председателя (ст. 100), председательствовать на заседаниях правительства, когда сочтет это необходимым.

Король и правосудие. В конституционном испанском государстве правосудие перестало быть функцией королевской власти и институционализировалось в качестве специальной сферы деятельности исключительно судов. Участие монарха в осуществлении судебной власти выражалось в том, что от его имени вершилось правосудие, он назначал судей и обладал правом помилования. Еще в первой национальной Конституции закреплялось: «правосудие осуществляется от имени короля» (ст. 257). Подобное правило содержится и в Конституции 1978 г. (ст. 117.1). Право монарха назначать судей на должность, отстранять и смещать их весьма подробно регламентировалось в Конституции 1812 г. (ст. 251–253). Эти права относились к компетенции монарха и иными основными законами. Конституция 1978 г. предоставляет королю право формировать Генеральный совет судебной власти (ст. 122.3), назначать по его предложению председателя Верховного суда (ст. 123.2), а по предложению правительства и с учетом мнения Генерального совета судебной власти — генерального прокурора (ст. 124).

Право короля на помилование традиционно упоминалось во всех конституциях, но в 1869 г. было запрещено его использование в отношении министров (ст. 73.6). В данном случае очевидно влияние конституционного опыта Великобритании, не допускавшего это по делам об импичменте.¹¹⁷ Право помилования сохраняется и в действующей Конституции (ст. 62.i), при этом не допускается проведение всеобщих амнистий и помилований.

Престолонаследие. В истории испанского конституционализма признавались три основания для ординарного занятия престола новым монархом: смерть предыдущего короля, его отречение или признание неспособным к управлению государством.

¹¹⁶ Fernández Segado F. Las constituciones históricas españolas. P. 145.

¹¹⁷ Ср.: Акт об устройении от 12 июня 1701 г. (Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / под ред. П.Н. Галанзы. С. 136).

Первое основание имело место в истории лишь в дважды: после смерти Фернандо VII 29 сентября 1833 г., когда королевой стала его малолетняя дочь Изабелла, и после смерти Альфонсо XII в., последовавшей в 1885 г. Известно, что за несколько часов до смерти последнего два самых авторитетных политических деятеля Кановас и Сагаста договорились о том, что вопрос о престолонаследии необходимо решить мирно («пакт Пардо»). Автоматически регентшей стала жена умершего короля Мария Кристина, сын которой был провозглашен королем Альфонсо III в день своего рождения 17 мая 1886 г. Регентство же имело место до 17 мая 1902 г., до того момента, когда, достигнув совершеннолетия, он был коронован.

В XIX в. монархи несколько раз отрекались от власти: Карлос IV 19 марта 1808 г., Фернандо VII 10 мая 1808 г., Жозеф Бонапарт 11 декабря 1813 г., Изабелла II 25 июня 1870 г. В 1873 г. Амадео I направил в кортесы письмо с отказом от престола, в том числе и от имени своих наследников. Альфонсо XIII в связи с победой республиканцев на муниципальных выборах 1931 г. обратился к нации с посланием, в котором заявил лишь о временном отречении, окончательно же он осуществил его лишь в январе 1941 г. во время пребывания за пределами Испании.

Возможность установления неспособности короля к управлению государством предусматривалась всеми монархическими конституциями, а также Законом 1947 г. Сохраняются положения об этом и в действующей Конституции (ст. 59.2).

Вместе с тем испанская история продемонстрировала разнообразные примеры экстраординарных способов занятия престола:

- захват власти, соединенный с отречением предыдущего монарха (Жозеф Бонапарт);
- в силу договора короля с Наполеоном;
- в силу признания со стороны учредительной власти кортесами (признание в ходе национально-освободительной войны и возвращение на трон в 1814 г. Фернандо VII);
- выборы, предусмотренные переходными статьями Конституции 1869 г. (Амадео I);
- провозглашение восставшими военными, которые подтвердили волю бывшей королевы (Альфонсо XII).

В особом порядке пришел к власти Хуан Карлос I. В соответствии с упомянутым Законом 1947 г. 23 июля 1969 г. он был назначен Франко и утвержден кортесами как принц Испании и наследник престола. 20 ноября 1975 г., в день смерти Франко, регентский совет присвоил ему высшие воинские звания, а 22 ноября 1975 г. он принял присягу и стал королем.

Чтобы занять трон, претендент должен достичь определенного возраста и принести присягу. Конституции указывали возраст, достижении которого означало наступление совершеннолетия монарха. Конституции 1808 г. (ст. 6), 1812 г. (ст. 185), 1869 г. (ст. 82) устанавливали 18-летний возраст, в 1837 г. (ст. 56) и 1845 г. (ст. 56) — 14-летний, 1876 г. (ст. 66) — 16-летний.

Тексту присяги и порядку ее принесения пристальное внимание уделялось только в двух ранних конституциях. Так, в Байоне было определено, что присяга должна быть принесена в присутствии сената, государственного совета, кортесов и королевского совета, называемого Кастильским (ст. 5). А ее текст должен был быть следующим: «Клянусь на Святом Евангелии почитать нашу святую религию и способствовать ее почитанию другими, соблюдать Конституцию и заставлять соблюдать ее других, обеспечивать целостность и независимость Испании и ее владений, уважать личную свободу и собственность и заботиться об уважении их другими, а также управлять государством для счастья и славы испанской нации» (ст. 7). По Конституции 1812 г. король должен был принести в присутствии кортесов (ст. 131.2) клятву следующего содержания: «Я, (Имя Короля), по милости Бога и Конституции испанской монархии, король Испании, клянусь именем Бога и Святым Евангелием, что буду защищать и охранять религию католическую апостольскую римскую, не допуская никакой другой в королевстве, что буду охранять политическую Конституцию и законы испанской монархии и содействовать их охране, не имея другой цели своей деятельности, кроме блага и процветания государства, что не буду отчуждать, уступать и расчленять никакую часть королевства, что не потребую для себя никогда никакой выгоды, средств имущества, кроме тех, что будут определены кортесами, что никогда не нарушу ничьей собственности, что буду уважать политическую свободу нации и личную свободу личности; а если я полностью или частично нарушу то, в чем я клянусь, то буду считаться не выполнившим клятвы, а действия, которыми нарушу ее, будут недействительны. Пусть мне поможет Бог и защитит меня, в противном случае, пусть призовет к ответу» (ст. 173).

Во всех остальных основных законах лишь указывалось, что король, наследник престола, а также регенты приносят кортесам присягу о соблюдении конституции и законов (1837 г. — ст. 40, 1845 г. — ст. 39, 1869 г. — ст. 58, 1876 г. — ст. 45, Закон 1947 г. — ст. 7). В последнем предусматривалось: если пост главы государства окажется вакантным, регентский совет должен созвать кортесы и совет королевства, чтобы принять установленную присягу и провозгласить указанное лицо королем или регентом. Как следствие этого правила 22 ноября 1975 г. при вступлении короля на престол председатель франкистских кортесов произнес следующую формулу: «от имени испанских кортесов и совета королевства сообщаем испанской нации, что провозглашен королем Испании дон Хуан Карлос Бурбон и Бурбон, который будет править под именем дона Хуана Карлоса I».¹¹⁸

Таким образом, в Законе 1947 г. был введен еще один элемент восшествия на престол — прямое провозглашение короля кортесами.

Действующая Конституция 1978 г. также предусматривает принесение королем присяги перед генеральными кортесами в том, что он «будет честно выполнять свои обязанности, исполнять и защищать конституцию и законы, а также уважать права граждан и автономных сообществ» (ст. 61.1). Такую же

¹¹⁸ *Palacios Bañuelos L.* España, del liberalismo a la democracia (1808–2004). Madrid, 2004. P. 451.

присягу приносят наследный принц по достижении совершеннолетия, а также регенты (ст. 61.2).

Корона в Испании издавна передается по наследству, что предполагает преемство поста, титула и власти, не производной от какого бы то ни было другого органа или избирательного корпуса.¹¹⁹ Считается, что эта традиция восходит к *Las Siete Partidas*, который был промульгирован в 1265 г. Альфонсом X и заимствовал правила из 118 новеллы Юстиниана. Во всех монархических конституциях Испании нашел закрепление наследственный принцип замещения престола, детально раскрытый в разделах о наследовании короны, имевшихся во всех конституциях: 1808 г.— раздел II, 1812 г.— раздел IV, 1837 г.— раздел VII, 1845 г.— раздел VII, 1869 г.— раздел V, 1876 г.— раздел VII, 1978 г.— раздел II.

В испанских конституциях установлен порядок наследования престола, базирующийся на признании определенных исходных начал:

- первородства и права представления;
- предпочтения более близкой линии родства более дальней;
- в одной линии более близкой степени родства — более дальней;
- в той же степени мужчины — женщинам;
- среди однополых лиц более старшего возраста — младшим (1812 г.— ст. 176, 1837 г.— ст. 51, 1845 г.— ст. 50, 1869 г. г.— ст. 77, 1876 г. г.— ст. 60, 1978 г.— ст. 57.1).

Принцип первородства предполагает наследование престола первым, родившимся в браке, ребенком, а при отсутствии детей — старшим из родственников, призываемых к наследованию. Так, Конституция 1812 г. предписывала наследование по признаку первородства наследниками мужского и женского пола (ст. 174). В Конституции 1876 г. провозглашалось: испанский престол наследуется в порядке первородства (ст. 60). В действующей Конституции закреплено аналогичное правило (ст. 57.1). В конституционной истории Испании имеется прецедент распространения этого принципа и на еще не родившегося ребенка. Так, сын Альфонсо XII, появившийся на свет после смерти отца, стал королем Альфонсо XIII.

Правилом предпочтения лиц мужского пола руководствуются при рассмотрении претендентов одной степени родства. В испанской конституционно-правовой литературе принято выделять три его разновидности, получившие название «салического закона». Все они нашли свое отражение в истории испанских конституций.

Так, выделяется «абсолютный салический закон», согласно которому женщина не может стать королевой, по женской линии не может передаваться и право на престол. Этот принцип, традиционный для Франции, нашел отражение в ст. 2 Байонской конституции: «Корона Испании и Индий должна наследоваться нашими прямыми и законнорожденными потомками мужского пола в порядке первородства, при исключении лиц женского пола». Далее, при

¹¹⁹ Сравнительное конституционное право. С. 350.

определении каждой последующей очереди наследников королевской власти, законодатель указывал исключительно мужчин.

«Средний салический закон» не допускал занятия престола женщиной, но закреплял передачу права на него по женской линии. Эта разновидность нашла реализацию в ст. 11 Закона 1947 г., в которой указывалось, что женщина «не имеет права занимать престол, а может лишь в свою очередь передать это право своим наследникам — лицам мужского пола».

Согласно «минимальному салическому закону» женщина может занять престол, если нет претендента-мужчины в той же очереди наследников. Данный принцип, закрепленный во всех остальных иных конституциях Испании, нашел свое оформление и в ныне действующей, предписывая отдавать «предпочтение мужчине перед женщиной».

«Салический закон» был введен 10 марта 1713 г. в связи с приходом к власти в Испании династии Бурбонов. Филипп V, следуя французской традиции, ввел привычный для него порядок наследования престола.¹²⁰ Однако в 1789 г. кортесы обратились к Карлосу IV с петицией об отмене акта 1713 г., чтобы вернуться к древним традициям, зафиксированным в *Las Siete Partidas*, допускавшим женщин к наследованию трона. Решение об отмене акта 1713 г. держалось долгое время в секрете. Оно было обнародовано и получило юридическую силу лишь весной 1830 г. в качестве «Прагматической санкции» Фернандо VII. Это было сделано в связи с тем, что четвертая жена короля, бездетного в трех браках, ждала ребенка, которому и хотел обеспечить право на престол Фернандо VII, какого бы пола он ни был. 10 октября 1830 г. у королевской четы родилась дочь Изабелла, ставшая наследницей трона. Но политическая ситуация усложнилась болезнью короля в сентябре 1830 г. Под воздействием «карлистов» королева, боявшаяся гражданской войны, согласилась на издание манифеста об упразднении «Прагматической санкции» 1830 г. В присутствии королевы и правительства 18 сентября 1832 г. король подписал документ, обязывающий всех вплоть до его смерти хранить акт в тайне. Однако 31 декабря 1832 г. сам король публично объявил об аннулировании манифеста, ссылаясь на то, что подписал его, будучи больным, и на несоответствие акта основным законам монархии, а также его обязанностям короля и отца.¹²¹ 29 сентября 1833 г. король умер, его вдова была объявлена регентшей и королевой-правительницей. Однако брат умершего дон Карлос заявил о своих претензиях на престол: он родился в марте 1788 г., когда еще действовал акт 1713 г., и потому направил текст декрета о восшествии на престол в Кастильский совет для объявления его королем. Это стало сигналом к началу первой «карлистской» войны, длившейся семь лет.

Принцип предпочтения более близкой степени родства соответствует общим принципам наследования. В Конституции 1812 г. закреплялось: после смерти Фернандо VII де Бурбона престол займут его законные наследники

¹²⁰ González Alonso B. Historia de la sucesión en el trono // Revista de Estudios Políticos. 1981. № 19. P. 25.

¹²¹ Испанские короли. С. 333.

мужского или женского пола; а при их отсутствии — его братья и сестры или их законные наследники в установленном порядке, при этом соблюдается право представления и предпочтение более близкой линии родства (ст. 180).

Предпочтение прямой линии родства перед боковой означает, что пока живы наследники по прямой линии, в круг наследников не включаются родственники по боковой линии. Принцип представления был зафиксирован в Конституции 1812 г. Сын или дочь старшего сына короля, в случае смерти отца, не взошедшего на престол, предпочитают братьям и сестрам отца; и они наследуют престол после дедушки по праву представления (ст. 177).

Действующая Конституция, основываясь на национальном конституционном опыте, оставляет за кортесами право решать вопрос о наследовании престола в наиболее подходящей для интересов Испании форме, если угасают все ветви правящей династии (ст. 57.3).

Регентство и опека. Регентство — временный институт, призванный заменить короля и от его имени осуществлять все полномочия монарха (конституции: 1812 г. — ст. 186–190, 192 и 194; 1837 г. — ст. 57, 58; 1845 г. — ст. 57, 61; 1869 г. — ст. 83, 84; 1876 г. — ст. 67, 71; 1978 г. — ст. 59; Королевский статут 1834 г. — ст. 28, 29; Закон 1947 г. — ст. 3, 8, 9 и 11).

Испанские конституции и конституционная практика признавали три его вида: на время несовершеннолетия короля, на случай признания кортесами его неспособности управлять государством и в случае, если престол окажется свободным. На практике же имели место лишь первый и третий виды. Так, во время несовершеннолетия Изабеллы II ее регентами были мать Мария Кристина де Бурбон, а затем генерал Эспартеро. Первая была назначена регентшей в завещании Фернандо VII и осуществляла свою деятельность с 29 сентября 1833 г., завершив ее отречением 12 октября 1840 г., что не было предусмотрено действовавшей на тот момент Конституцией 1837 г. Однако выход из сложившейся ситуации был найден путем применения ее положений, предусматривавших право Кортесов назначить Регентство, «состоящее из одного, трех или пяти лиц», а до его формирования — возложение его обязанностей временно на отца или мать короля, а при их отсутствии — на совет министров (ст. 57, 58). Так, правительство Эспартеро исполняло функции регентства до 10 мая 1841 г., до назначения Эспартеро регентом. После того как генерал покинул Испанию, с 23 июля 1843 г. и до объявления Изабеллы II совершеннолетней 8 ноября 1843 г., в Испании действовало министерство — регентство Хоакина Марии Лопеса. Во время несовершеннолетия Альфонса XIII в течение 16 лет регентшей была его мать Мария Кристина де Габсбург. Особое место занимали регентские советы, созданные в связи с отсутствием Фернандо VII и до возведения на трон Хуана Карлоса I.

В действующей Конституции, впитавшей предшествующий национальный опыт, традиционному институту регентства уделено много места (ст. 58–61). В случае несовершеннолетия короля, регентом должны стать отец или мать монарха, при их отсутствии — совершеннолетний родственник, второй по праву наследования после несовершеннолетнего короля (ст. 59.1). В случае его неспособности осуществлять свои полномочия, регентом должен

стать наследный принц, если он достиг совершеннолетия; при его несовершеннолетии — родственник, указанный выше (ст. 59.2). При отсутствии того, кто должен стать регентом, кортесы назначают регентство в составе одного, трех или пяти человек (ст. 59.3).

Опека — институт частноправовой, но в связи с личностью опекаемого речь идет о публичной функции. Все монархические конституции устанавливали сходные правила: опекуном несовершеннолетнего короля является лицо, которое названо умершим королем в завещании, при этом оно должно быть испанцем по рождению; если опекун не был назначен, им является отец или мать, пока остается вдовцом или вдовой. При отсутствии родителей-вдовцов кортесы назначают опекунов. Должности регента и опекуна монарха не могут объединяться в одном лице; исключение делается для его отца или матери (1812 г.— ст. 198, 1837 г.— ст. 60, 1845 г.— ст. 63, 1869 г.— ст. 86, 1876 г.— ст. 73).

Королевская семья. В силу публичной значимости личности короля все учредители особое внимание уделяли его семье. Поскольку при монархии пост главы государства передается по наследству, имеется потребность заранее определить преемника. Он стал именоваться принцем Астурийским. Данный титул был введен кортесами, созданными в кастильской Паленсии в 1388 г. во время правления Хуана I, а первым получил его будущий король Энрике III. Свое конституционное оформление титул впервые получил в 1812 г., а затем и во всех последующих основных законах. Однако Хуан Карлос, в 1969 г. назначенный Франко преемником, получил при отсутствии короля титул *ad hoc* — принц Испанский. Конституция 1978 г. вернула исторический титул принца Астурийского (ст. 57.2), который считается в Испании самым аристократическим.

Конституция 1812 г., отразившая стремление законодателя тщательно регламентировать все стороны жизни и деятельности монарха, детально определила титулы членов королевской семьи. Все его дети, кроме принца Астурийского, а также внуки должны именоваться инфантами Испании (ст. 201–204). Они должны были пользоваться всеми традиционными отличиями и почестями и могли быть назначены на любые должности, кроме должностей в правосудии и депутатии кортесов (ст. 205). Принц Астурийский, инфанты, их дети и потомки не могли вступить в брак без согласия короля и кортесов, в противном случае они утрачивали право на наследование престола (ст. 208).

Такое же ограничение было установлено и для самого короля (ст. 171.12). Умаление его свободы при вступлении в брак предусматривали и все последующие конституции страны: в 1837 г. (ст. 48.5) и в 1869 г. (ст. 74.6). Король и возможные наследники престола нуждаются в получении разрешения, предоставляемого путем издания специального закона; согласно конституциям 1845 г. (ст. 47) и 1876 г. (ст. 56) монарх и непосредственный наследник престола должен лишь информировать кортесы о предстоящем браке. По Закону 1946 г. (ст. 12) совет королевства должен информировать законодательный орган о предстоящих браках короля и его возможных

преемников для их окончательного утверждения. В действующей Конституции зафиксировано, что лица, являющиеся наследниками монарха, заключив брак, несмотря на запрет короля или кортесов, лишаются, как и их потомки, родившиеся в неразрешенном браке, права на наследование престола (ст. 57.4).

Имущественное положение короля и его семьи также тщательно регламентировалось в конституциях. При абсолютной монархии не было различия между имуществом государственным и королевским. Тем не менее еще регламентом 1 января 1707 г. бюджет государства был отделен от бюджета королевского дома.

Имущество было разделено, а гражданский лист по английскому образцу введен, начиная с Конституции 1808 г. (ст. 21, 22). Кадисский законодатель установил, что в начале правления каждого короля кортесы назначают ежегодную дотацию для содержания его двора (ст. 213). Они также устанавливают выплаты принцу Астурийскому со дня его рождения и инфантам по достижении ими семилетнего возраста; а инфантам, выходящим замуж, они определяют сумму приданого (после чего прекращается выплата ежегодного содержания). В Конституции определялся круг монаршего недвижимого имущества: королю принадлежали все дворцы, которыми владели его предшественники, а также загородные резиденции, используемые для его отдыха (ст. 214).

Предполагалось, что в начале правления кортесы будут устанавливать содержание короля и его семьи (1812 г.— ст. 220, 1837 г.— ст. 49, 1845 г.— ст. 48, 1869 г.— ст. 76, 1876 г.— ст. 57 1978 г.— ст. 65.2). В настоящее время имущественное состояние королевского дома Хуана Карлоса I определяется в соответствии с Законом 16 июня 1982 г. «О национальном достоянии».

Испанская монархия вызывает в настоящее время большой интерес у специалистов, изучающих государственно-правовые явления, поскольку с различных точек зрения представляет собой «своеобразный идеальный тип».¹²² Сравнение с другими европейскими монархиями неизбежно приводит к выводу о ее исключительности. Прежде всего потому, что она стала результатом и средством мирного перехода от диктатуры к демократии. В этом значительную роль сыграл и сам король Хуан Карлос I.

Политико-правовое развитие Испании XIX–XXI вв. в целом связано с сохранением приверженности монархической форме правления. В рассматриваемый период абсолютная испанская монархия (во время правления Карлоса VI и в основной части правления Фернандо VII) превратилась в конституционную (некоторое время правления Фернандо VII и в правление Изабеллы II, Альфонсо XII, Альфонсо XIII), а с 1978 г. является парламентской.

В течение данного периода испанской истории было предпринято несколько попыток изменения формы правления и отказа от монархии. Страна пережила периоды Первой республики (1871–1874), Второй республики (1931–1936), правления каудильо Франко (1936–1975). Однако в последней четверти

¹²² Медушевский А. Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. М., 2002. С. 84.

XX в., как и в последней трети XIX в., в Испания вновь было принято решение о восстановлении монархической формы правления. Закрепление статуса короля в действующей Конституции — результат долгого развития данного института в истории испанского конституционализма, выверенного временем, а потому достойного особого внимания и изучения.

Приложение

Таблица. Монархи и монархические конституции в Испании

Монарх / династия	Начало правления и его основание	Окончание правления и его основание	Наличие Конституции
Карлос IV де Бурбон	13 января 1788 г., в силу наследования	19 марта 1808 г., отречение от престола в пользу сына	—
Фернандо VII де Бурбон	19 марта 1808 г., в силу отречения Карлоса IV	10 мая 1808 г., отречение от престола в пользу отца	—
Карлос IV де Бурбон	10 мая 1808 г., в силу отречения Фернандо VII де Бурбон	6 июня 1808 г. отречение в пользу Наполеона I Бонапарта	—
Жозеф Бонапарт	6 июня 1808 г., в силу акта Наполеона I Бонапарта	11 декабря 1813 г., передача власти Фернандо VII де Бурбону	Байонская конституция 8 июля 1808 г.
Фернандо VII де Бурбон	1) 24 сентября 1810 г., провозглашение и признание генеральными и чрезвычайными кортесами, 2) 4 мая 1814 г., возвращение на трон, признание ординарными кортесами	29 сентября 1833 г., кончина	Конституция 19 марта 1812 г. (признана Фернандо VII 9 марта 1820 г., действовала до 1 октября 1823 г.)

Монарх / династия	Начало правления и его основание	Окончание правления и его основание	Наличие Конституции
Изабелла II де Бурбон	1) 29 сентября 1833 г., в силу наследования (при регентстве матери Марии Кристины), 2) 8 ноября 1843 г., акт Кортесов о провозглашении совершеннолетней	1) 30 сентября 1868 г., отъезд из Испании; 2) 25 июня 1870 г., отречение в пользу сына (будущего Короля Альфонсо XII)	1) Королевский статут от 10 апреля 1834 г., 2) Конституция 1812 г. (с 13 августа 1836 г.), 3) Конституция 18 июня 1837 г., Конституция 23 мая 1845 г.
Амадео I Савойский	16 ноября 1870 г. избрание Кортесами	11 февраля 1873 г., отречение	Конституция 6 июня 1869 г.
Альфонсо XII де Бурбон	1) 29 декабря 1874 г., в результате провозглашения армией; 2) 14 января 1875 г. въезд в Мадрид	25 ноября 1885 г., кончина	Конституция 30 июня 1876 г.
Альфонсо XIII де Бурбон	17 мая 1886 г. наследование; 17 мая 1902 г. признание Кортесами совершеннолетним	14 апрель 1931 г., отъезд из Испании; январь 1941 г., отречение (в пользу сына — Хуана, графа Барселонского, отца будущего короля Хуана Карлоса I)	Конституция 30 июня 1876 г.
Хуан Карлос I де Бурбон	22 ноября 1975 г., провозглашение Королем; 29 декабря 1978 г.	по настоящее время	Конституция, одобренная на референдуме 6 декабря 1978 г. и промульгированная 29 декабря 1978 г.